

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Вера — не Рутан
Истина — не промена
Самобичность
Дар — не берущий
Сон
Самобичность — не промена!

Рано поднимать
Рисовать!
Синь в мис' скаффа
Несогруженный

Цуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДЕСЯТЫЙ

МАСТЕРСТВО НЕКРАСОВА

СТАТЬИ (1960–1969)

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 10: Мастерство Некрасова. Статьи 1960–1969 / Предисл. и коммент. Б. Мельгунова и Е. Чуковской. — М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2017. — 736 с. : ил.

ISBN 978-5-521-74856-3 (т. 10)
ISBN 978-5-4467-0026-4

«Мастерство Некрасова» — фундаментальный труд К. Чуковского о поэтическом наследии Н. А. Некрасова. Книга послужила источником творческих идей для изучения текстологических проблем наследия Некрасова, его места в истории русской литературы, его связи с фольклором, жанрового своеобразия его поэзии.

В десятый том Собрания сочинений вошли также статьи о литературе 1960-х годов — об И. Андронникове, В. Аксенове, И. Грековой, Л. Пантелееве, А. Солженицыне и др.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
BIC FC
BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017
© Агентство ФТМ, Лтд., 2017
© К. Чуковский, наследники, 2017
© Б. Мельгунов, Е. Чуковская,

ISBN 978-5-521-74856-3 (т. 10) составление, подготовка текста,
ISBN 978-5-4467-0026-4 комментарии, 2017

КНИГА, КОТОРАЯ ЗАРЯЖАЕТ ЛЮБОВЬЮ К ЛИТЕРАТУРЕ И НАУКЕ

Книга «Мастерство Некрасова» — уникальный памятник советского литературоведения, главный труд К. И. Чуковского-историка литературы — до настоящего времени остается крупнейшим фундаментальным трудом о поэтическом наследии Некрасова. Завершенная и впервые изданная в 1952 году, книга выдержала шесть изданий (1952, 1955, 1959, 1962, 1966, 1971), общий тираж которых составляет 240 000 экземпляров. Труд всей жизни Чуковского, эта книга стала побудительным стимулом и источником творческих идей для изучения несколькими поколениями ученых текстологических проблем наследия Некрасова, его места в истории русской литературы (*предшественники, учителя, продолжатели, некрасовская школа*), жанрового своеобразия, связи с фольклором и мн. др.

Профессиональный интерес Чуковского к личности и творчеству Некрасова, возникший еще в начале 1910-х годов, сформировался, очевидно, в 1915—1917 гг., когда он начинает собирать живые свидетельства о нем младших современников поэта¹.

Одно из первых авторских свидетельств о замысле большого труда — книги «Некрасов. Статьи и материалы», которая будет издаваться в начале 1920-х годов отдельными брошюрами и только в 1926 году выйдет полностью², — находим в дневниковой записи Чуковского под 4 декабря 1918 г.:

«Я запутываюсь. Нужно хорошенько обдумать положение вещей. Дело в том, что я сейчас нахожусь в самом удобном денежном положении: у меня есть денег на *три месяца жизни вперед*. Еще никогда я не был так обеспечен. Теперь, казалось бы, надо было бы посвятить все силы Некрасову, и вообще писательству, а я гублю день за днем — тратя себя на редактирование иностранных писателей, чтобы выработать еще денег. Это — нелепость, о кото-

¹ Дневник. 1901–1921. Т. 11 наст. изд. С. 196, 197, 212, 219, 220.

² См. преамбулу к комментарию в т. 8 настоящего издания.

рой я потом пожалею. <...> Мне нужно обратиться к доктору по поводу моих болезней, купить себе калоши и шапку — и вплотную взяться за Некрасова»¹.

Следующая запись, важная для творческой истории книги о поэтическом мастерстве, датирована Чуковским «11 декабря» и отнесена издателями Дневника к 1919 году. Осмелимся предположить, однако, что эта запись и зафиксированное в ней открытие исследователя сделаны годом ранее. Как будет видно ниже, летом 1919 г. это открытие уже станет достоянием литературной общности. Приводим эту запись, корреспондирующую с записью недельной давности:

«Вторую ночь не заснул ни на миг — но голова работает отлично — сделал открытие (?) о дактилизации рус<ских> слов — и это во многом осветило для меня поэзию Некрасова»².

В мае 1919 г. наконец сложились вполне благоприятные условия для того, чтобы заняться заветной темой — изучением поэтического мастерства Некрасова, и Чуковский погрузился в нее, сознавая литературную и читательскую бесперспективность, несвоевременность этой работы.

«Хорошая погода в течение целой недели, — записывает он в дневнике. — Солнце. Трава, благодать. Мы на новой квартире. Пишу главу о технике Некрасова — и не знаю во всей России ни одного человека, которому она была бы интересна»³.

Дальнейшие события показали, что пессимистический взгляд исследователя на актуальность его открытия не вполне справедлив. Двадцать восьмого июня в голодном, вымирающем Петрограде состоялось открытие студии «Всемирная литература», в первом заседании которой были оглашены два доклада: Н. С. Гумилев рассказал о задачах новой студии, «а затем, — сообщала газета «Жизнь искусства», — интересный и с большим авторским увлечением прочитанный доклад К. И. Чуковского о творчестве Некрасова. Талантливый критик-исследователь весьма тонко и научно анализировал свойства Некрасовской техники в связи с психической организацией поэта и его внутренними переживаниями»⁴.

Вскоре в той же газете в двух ее номерах была напечатана большая статья В. Шкловского «Техника некрасовского стиха» (с редакционным примечанием: «Печатается в порядке дискуссионном») с подробным анализом доклада Чуковского.

¹ Наст. изд. Т. 11. С. 234.

² Там же. С. 279–280.

³ Там же. С. 251.

⁴ Жизнь искусства. 1919. 2 июля. № 178.

«Обычный шаблон талантливых статей Чуковского таков, — замечал вначале рецензент. — Берется писатель, по интуиции, по своеобразному вдохновению, определяется его одна, именно одна характерная черта, а затем для доказательства характерности этой черты подбираются примеры».

«К Некрасову, — писал далее Шкловский, — Чуковский отнесся гораздо серьезнее. Правда, и для него он нашел кличку «поэт уныния» и подобрал для доказательства ее цитаты, но кроме этой клички в докладе чувствовалось желание исчерпать вопрос. Много места было отведено анализу ритмической и звуковой стороны Некрасова. Некрасовский «дактиль» Чуковский пытался объяснить опять-таки унылостью поэта, который, катаясь по дивану (как говорит со своей обычной плакатно-олеографической манерой Чуковский), мог излить свою душу только в этом унылом размере»¹.

Рецензент высказывает далее сомнение в приоритете Некрасова по части *дактилизации* рифмы, указывая при этом почему-то на И. С. Никитина, иронизирует по поводу тезиса Чуковского о *звукоподражательности* (звук «у») в стихах Некрасова и не без яда замечает: «Чуковский везде очень наивно говорил «буква» вместо «звук».

«Более заинтересовывает меня, — пишет Шкловский во второй части своей статьи, — указание Чуковского об особенной долготе гласных у Некрасова. Конечно, это сказано очень импрессионистично, но факт возможен».

«Внешняя сторона лекции была блестяща», — отметил в заключение Шкловский².

Материальное положение и состояние духа Чуковского в эту пору таково, что у него нет сил даже прочесть этот отзыв. Краткая дневниковая запись под 9 июля 1919 г.: «Сегодня Шкловский написал обо мне фельетон — о моей лекции про «Технику некрасовской лирики». Но мне лень даже развернуть газету: голод, смерть, не до того»³.

Первоначальным кратким вариантом труда Чуковского о поэтическом мастерстве Некрасова можно считать изданную в основанной Чуковским серии, «Некрасовская библиотека», небольшую книжку «Некрасов как художник» (Пб., 1922)

Вторжение журнального критика в сферу профессиональных историков литературы и лингвистов было встречено ими иронически-раздраженно.

«Обнаруживая полное незнание с наукой о языке, — писал один из них, — Чуковский, в согласии с эпидемическим стремлени-

¹ Жизнь искусства. 1919. 9 июля. № 184.

² Там же. 1919. 10 июля. № 185.

³ Там же. С. 130.

ем представителей той «научно-исследовательской критики», к которой он себя причисляет, приходит к внезапному открытию законов поэтического языка, выдвигая следующие общие положения:

1. Дактили могут притворяться анапестами (21 стр.);

2. Два последних в слове слога с ударением на последний из них (напр., в словах обитель, хранитель) могут превращаться в три, благодаря «незримому», «сокровенному» появлению третьего слога (20 стр.);

3. Языковое сознание русского народа воспринимает непостоянность ударения как некую погрешность языка и стремится как можно прочнее прикрепить ударение слов к третьему слогу от конца (66 стр.)»¹.

Представители «научно-исследовательской критики» выступили в защиту новаторского опыта Чуковского. В рецензии на его книгу П. С. Коган писал: «Чуковский старше современных ученых «формалистов». Критическое чутье и художественный вкус помогли ему предупредить многие выводы, к которым приходят теперь различные лингвистические кружки и ОПОЯЗ. Он практически применил к поэтам тот критический метод, который в настоящее время научно обосновывается В. Жирмунским и его единомышленниками. Но он не только старше их. Он шире их. <...> Автор кропотливо собирает не только преобладающие эпитеты, но и преобладающие гласные, раскрывает тайну некрасовской ритмики, дактилических окончаний, отправляясь от формы, проникает в природу некрасовского уныния, его хандры, его душевных надрывов. Остроумны и интересны соображения автора о связи некрасовского стиха с народным и о тенденции народной поэзии к дактилизированию и удлиннению слов»².

В дальнейшей своей работе Чуковский учитывал не только одобрения, но и полезные критические замечания оппонентов (напр., указание В. В. Виноградова о продуктивности сопоставительного анализа поэтической лексики Некрасова с лексикой других писателей *натуральной школы*, об учете лингвистических наблюдений И. Е. Мандельштама. В переработанном виде очерки первой книги о мастерстве Некрасова вошли в состав большой работы Чуковского «Некрасов. Статьи и материалы» (Л., 1926; статьи: «Проза ли?», «Его мастерство», «Звуковая изобретательность», «Долгословие», «Перерождение ритма»). Рецензенты

¹ Виноградов Виктор. К. Чуковский. Некрасов как художник. Пб., 1922 // Библиографические листы Русского библиологического общества. 1922. № 2. С. 13–14. См. также: Эйхенбаум Б. Методы и подходы // Книжный угол. 1922. № 8. С. 13–23.

² Печать и революция. 1922. № 2. С. 331. См. также рецензию Н. О. Лернера. — Книга и революция. 1922. № 3. С. 89.

(В. Е. Евгеньев-Максимов, Арк. Глаголев, И. Н. Розанов¹) единодушно признавали авторитет, исследовательский талант и мастерство Чуковского-рассказчика, его новаторство в изучении поэтического языка Некрасова, осуждая, вместе с тем, «негодные» в научной литературе приемы: «даже говоря об инструментовке, стихотворных размерах, синтаксисе, — сетовал Розанов, — Чуковский никогда не забывает быть бойким и занимательным» (с. 263).

«На каждого писателя, произведения которого живут в течение нескольких эпох, — записал однажды Чуковский в дневнике, — всякая новая эпоха накладывает новую сетку или решетку, которая закрывает в образе писателя всякий раз другие черты — и открывает иные»².

Находясь под строжайшим цензурным контролем, Чуковский остро переживал катастрофически сужающиеся возможности заниматься любимой темой без оглядки на «вызовы» эпохи. Особенно тяжелыми для исследователя оказались конец 1940-х — начало 1950-х гг. — последние годы сталинской эпохи.

«На 1948 год лучше не оглядываться, — записывает он в дневнике 1 января 1949 г. — Это был год самого ремесленного, убивающего душу кропанья всевозможных (очень тупых!) примечаний к трем томам огизовского «Некрасова», к двум томам детгизовского, к двум томам «Библиотеки поэта», к однотомнику «Московского рабочего», к однотомнику «Огиза», к Авдотье Панаевой, к Слепцову и проч., и проч., и проч. Ни одной естественной строчки, ни одного самобытного слова, будто я не Чуковский, а Борщевский, Козьмин или Ашукин»³.

Впрочем, и для главного труда Чуковского-некрасоведа эти годы были не совсем бесплодны. Продолжая расширять и совершенствовать центральные главы своего труда, Чуковский обращается к проблеме поэтической традиции в некрасовском наследии, к вопросу об «учителях и предшественниках». Еще в № 2 журнала «Литературный критик» 1938 г. была напечатана его большая статья «Пушкин и Некрасов», которая в переработанном виде через одиннадцать лет была издана отдельной брошюрой (М., 1949). Очерк «Гоголь и Некрасов» также вначале появился в журнальном варианте («Знамя». 1952. № 2) и вскоре был издан отдельной книжкой (М., 1952). Еще один новый очерк, завершающий многолетний труд исследователя о мастерстве гениального поэта и, несомненно, отвечающий литературным «вы-

¹ См. соответственно: Звезда. 1926. № 6. С. 268; Новый мир. 1927. № 1. С. 254–255; Красная новь. 1927. № 1. С. 262–264.

² Наст. изд. Т. 12. С. 223.

³ Наст. изд. Т. 13. С. 110.

зовам» новой эпохи — «Эзопова речь в творчестве Н. А. Некрасова» — был опубликован в первом выпуске «Некрасовского сборника» Пушкинского Дома (М.—Л., 1951). Одновременно для того же сборника К. И. Чуковский готовил статью «Некрасов и фольклор»¹, которая, однако, была завершена только к первому изданию «Мастерства Некрасова».

Его выход был встречен литературоведами и критиками (Ан. Тарасенков, Б. Бурсов, Л. К. Швецова)² — вполне одобрительно. Тарасенков рассматривал книгу как событие значительное не только для историков литературы, выделяя особенно главу «Работа над фольклором», но и для современных поэтов. Он же, впрочем, высказывал сожаление о том, что зрелый К. И. Чуковский не осуждает свои ошибки 1920-х годов: «в этом следует упрекнуть автора». Большая часть замечаний рецензентов носила продуктивный характер (перегруженность примерами в анализе употребления отдельных грамматических форм в стихах Некрасова — Тарасенков; демонстрация мастерства поэта путем анализа вариантов в рукописях: о мастерстве автора художественных произведений следует судить не по творческой истории, а «по тому, какими они созданы, что они собою представляют в завершенном виде» — Бурсов, который вместе с тем отмечал плодотворность исследовательского обращения к творческой лаборатории писателя).

Более всего, однако, первый вариант «Мастерства Некрасова» не удовлетворял самого исследователя. Конец сталинской эпохи, совпавший с выходом в свет книги Чуковского, казалось, открывал возможности для большей творческой свободы. «Я работаю над новым изданием «Мастерства...», — сообщает Чуковский Ю. Г. Оксману в письме от 8 апреля 1954 г. — Внес больше *тысячи* поправок»³.

Резко критически относящийся к своему многолетнему труду о поэтическом мастерстве Некрасова, Чуковский и в процессе переработки книги для второго издания вынужден выполнять «дурные требования очень тупой редакторши». «Одно приятно, — отмечает он в дневниковой записи под 11 ноября 1954 г., — от цензуры строгий приказ: не хвалить русскую литературу в ущерб иностранной. Вычеркнули то место, где Чернышевский говорит “Фильдинг хорош, но все же не Гоголь”. Вообще объявлена война шовинизму»⁴.

¹ См. письмо Н. Ф. Бельчикова Чуковскому от 15 марта 1950 г. // «Некрасовский сборник». Вып. X. Л., 1988. С. 200–201.

² См. соответственно: «Литературная газета». 1953. 7 мая, № 54; «Правда». 1953. 16 июля, № 197; «Советская книга». 1953. № 7. С. 107–117.

³ Ю. Г. Оксман — К. И. Чуковский. Переписка. М., 2001. С. 126.

⁴ Наст. изд. Т. 13. С. 176.